

А. Б. Шлуинский

Москва

ТИПОЛОГИЯ «НЕБУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ» И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА¹

Цель настоящего доклада — построение предварительной типологии глагольных форм «небудущего времени». Как известно (ср. [Comrie 1985: 49–50]), в ряде языков мира категория времени имеет лишь две граммемы, противопоставляющие ситуацию в будущем ситуации в прошедшем или настоящем. И хотя по многим случаям такого рода ведется дискуссия о том, какова природа семантической оппозиции между этими двумя граммемами (идет ли речь о противопоставлении, собственно, небудущего будущему или скорее реального ирреальному), в настоящем сообщении под формой «небудущего времени» понимается, вне зависимости от ее места в системе, всякая глагольная форма, способная описывать как единичную² ситуацию, относящуюся к временному плану настоящего, так и единичную ситуацию, относящуюся к временному плану прошедшего, но не ситуацию, относящуюся к временному плану будущего.³

Дистрибуция презентного и претериального прочтений «небудущего времени» организована для разных форм такого рода весьма

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант №05-06-80258а). Используемый здесь материал ненецкого языка получен в рамках Ненецких лингвистических экспедиций МГУ (грант РГНФ №03-04-18005е), материал языков сусу и эве — от информантов этих языков У. Камара и Дж. Джонсона.

² За счет требования единичной ситуации мы не рассматриваем здесь, в частности, нейтральные в отношении времени хабитуальные формы.

³ Следует специально оговорить, что речь идет об основных употреблениях соответствующей формы (как, например, форма прошедшего времени в русском языке именно в качестве основного употребления не может описывать ситуацию в будущем, хотя и возможно маргинальное *Ну я пошел.*)

различным образом. При этом во всех случаях едва ли не основным фактором, определяющим эту дистрибуцию, является лексическое значение глагола. Ниже предлагается краткий обзор случаев «небудущего времени», представленных в различных языках.

1. Собственно небудущее

Популярным примером небудущего времени является наименее маркированная форма в языке хуа. Эту форму естественно назвать собственно небудущим временем в том смысле, что, согласно [Haiman 1980], она способна описывать как ситуацию в прошлом, так и ситуацию в настоящем для всякого глагола, ср. (1)–(2):

хуа (1) hu-e	(2) bau-e
делать.1SG-IND	находиться.1SG-IND
1. ‘Я сделал’.	1. ‘Я (нахожусь) здесь’.
2. ‘Я делаю’.	2. ‘Я был здесь’. [Haiman 1980: 136]

При этом «дефолтное» прочтение формы небудущего времени в хуа различно для глаголов разных акциональных типов: если в сочетании с динамическим глаголом в нейтральном контексте она имеет претериальную интерпретацию (1.1), то в сочетании со стативным глаголом — презентную интерпретацию (2.1).

2. Перфективное прошедшее с презентным прочтением некоторых глаголов

Распространенным является случай, когда форма «небудущего времени», вообще говоря, выступает как форма с референцией к прошлому, однако для большего или меньшего круга глаголов-«аутсайдеров» имеет референцию к настоящему. Классическим примером является латинский Перфект, имеющий для немногих стативных глаголов стабильную презентную интерпретацию, ср. *odī* ‘ненавидеть’ (но *amō* ‘любить’), *novī* ‘знать’ (но *sciō* ‘знать’).

2.1. Перфект со стативными и неопределёнными глаголами. Широко известны случаи, когда в общем случае глагольная форма имеет значение перфекта (реже просто перфективного прошедшего),

однако для части глаголов (стативных, реже неопредельных динамических) описывает ситуацию в настоящем. Так, например, Перфект в языке хауса в подавляющем большинстве случаев описывает завершенную ситуацию в прошлом (3), однако в сочетании с рядом стативных глаголов (4) и в перформативных высказываниях (5) имеет референцию к настоящему:

хауса (3) sun zo (4) naa ji
 PFCT.3PL приходить PFCT.1SG слышать
 ‘Они пришли’. ‘Я слышу’.
 (5) naa rantse
 PFCT.1SG клясться
 ‘Я клянусь’. [Щеглов 1970: 51]

Сходно в языке сусу показатель *bara* в основном употребляется как перфект (6), но для ряда стативных (7) и неопредельных динамических (8) глаголов описывает ситуацию в настоящем:

сусу (6) m bara fa (7) m bara gaɔ
 1SG PFCT приходить 1SG PFCT бояться
 ‘Я пришел’. ‘Я боюсь’.
 (8) m bara wa
 1SG PFCT плакать
 ‘Я плачу’.

2.2. Претерит, функционирующий как небудущее для ряда стативов. Сходные свойства проявляет немаркированная форма Аориста в языке эве.⁴ Существенное отличие состоит, однако, в том, что если в приведенных выше случаях презентная интерпретация оказывается для соответствующих глаголов единственной, то в эве она (оставаясь основной) совмещается с претериальной. За счет этого для большинства глаголов Аорист имеет однозначную референцию к прошлому (9), однако для ряда стативов — и референцию к настоящему (10.1), и референцию к прошлому (10.2):

⁴ Следует оговорить, что здесь мы опираемся на собственный материал. Согласно [Westermann 1907: 65] эта форма функционирует скорее как собственно небудущее.

эве	(9)	kɔfi	krɔata	(10)	kɔfi	lɔ	ama
		Кофи	видеть	Ама	Кофи	любить	Ама
		‘Кофи видел/увидел Аму’.			1. ‘Кофи любит Аму’.		
					2. ‘Кофи любил Аму’.		

3. Небудущее с аспектуально определяемой дистрибуцией

Аспектуальная система самодийских языков характеризуется тем, что (как и в славянских языках) вид в них является не словоизменяющей, а словоклассифицирующей: всякий глагол является либо перфективным либо имперфективным. Форма «небудущего времени», Аорист, в сочетании с перфективными глаголами имеет референцию к прошлому (11a), а в сочетании с имперфективными — к настоящему (12a). При этом самодийские языки имеют обширную систему деривационных средств для образования имперфективных глаголов от перфективных (11b) и перфективных от имперфективных (12b); временная референция Аориста производных глаголов определяется так же, как и для непродеривированных:

ненецкий	(11a)	was'a	kniga-mʔ	tola
		Вася	книга-ACC.SG	прочитать.3SGs
		‘Вася прочитал книгу’.		
	(11b)	was'a	kniga-mʔ	tola-mb'i.
		Вася	книга-ACC.SG	прочитать-DUR.3SGs
		‘Вася читает книгу’.		
	(12a)	was'a	maša-mʔ	men'e.
		Вася	Маша-ACC.SG	любить.3SGs
		‘Вася любит Машу’.		
	(12b)	was'a	maša-mʔ	men'e-l-ŋa.
		Вася	Маша-ACC.SG	любить-INCH-3SGs
		‘Вася полюбил Машу’.		

4. Небудущее с частично аспектуально определяемой дистрибуцией

Наконец, среди языков мира с формой «небудущего времени» представлены также случаи, когда в целом эта форма функционирует

как собственно небудущее, однако при использовании маркеров аспектуальной деривации ее временная референция получает определенные ограничения. Так, в целом форма небудущего в юкагирском языке, согласно [Maslova 2003], имеет как презентную, так и претериальную интерпретацию (13.1–2), однако, например, при использовании перфективного маркера допускает только референцию к прошлому (14):

- юкагирский (13) terikie-die iŋd'e-t modo-j.
старуха-DIM шить-SS.IPFV сидеть-INTR.3SG
1. 'Старуха сидит и шьет'.
2. 'Старуха сидела и шила'. [Maslova 2003: 119]
- (14) taŋ o:ži: lolho-s'
этот вода кипеть-PFV.INTR.3SG
'Эта вода вскипела'. [Maslova 2003: 134]

Сходным образом, по-видимому, устроена форма «небудущего времени» в нивхском языке, ср. [Панфилов 1965: 69–73].

Таким образом, существует по меньшей мере пять различных случаев семантической организации форм «небудущего времени». Во всех из них при этом основным фактором, определяющим временную референцию этих форм, являются акциональные свойства глагола (либо аспектуальные свойства глагола, образованного при помощи показателя аспектуальной деривации).

Литература

- Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М.; Л., 1965.
Щеглов Ю. К. Очерк грамматики языка хауса. М., 1970.
Comrie B. Tense. Cambridge, 1985.
Haiman J. Hua: a Papuan Language. Amsterdam, 1980.
Maslova E. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin, 2003.
Westermann D. Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin, 1907.